

АННА
ДАНИЛОВА

DA

ТЕНИ В ХОЛОДНЫХ ИВАХ

Психологический детектив

Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой

Анна Данилова

Тени в холодных ивах

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилова А. В.

Тени в холодных ивах / А. В. Данилова — «Эксмо»,
2022 — (Эффект мотылька. Детективы Анны Даниловой)

ISBN 978-5-04-164874-9

Катя живет вместе с сестрой и находится под ее жестким контролем, который та называет заботой. Марина, Катина сестра, считает, что мир вокруг них – опасный и жестокий. Марина и не подозревает, насколько оказывается права: однажды она перестает отвечать на звонки Кати, и тогда она понимает, что произошло нечто страшное... Анна Данилова – профессиональный писатель, работает в разных жанрах (сюрреализм, реалистическая проза, детские повести, драматургия), на ее счету несколько пьес, сценариев. Но большая часть произведений написана в жанре психологического детектива. Книги автора были изданы во многих российских издательствах, а также переведены на болгарский и турецкие языки и изданы в Софии и Стамбуле. С 1998 года детективы Анны Даниловой выходят в издательстве «Эксмо» в таких сериях, как «Детектив глазами женщины», «Детектив по Фрейду», «Русский бестселлер», «Crime & private», «Эффект мотылька» и др. Всего издано более 120 книг автора. Серия «Эффект мотылька» – это не только классически изящный криминальный роман, но и вечный поединок страсти и рассудка, реальности и мечты, импульсивных эмоций и голого расчета. Судьбы героев вершит мастер психологического детектива Анна Данилова!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164874-9

© Данилова А. В., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	8
3	13
4	16
5	20
6	23
7	28
8	32
9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Данилова
Тени в холодных ивах

© Текст, А. Дубчак, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

1

– Это только в кино так – нашли труп в кустах и кто-то там истошно закричал... – говорила, уткнувшись лицом в плечо мужа, молодая женщина в мокром купальнике и наброшенной на плечи голубой кофточке. Она вся дрожала, даже зубы стучали. – А это в реальности, подхожу к камышам, а там, в темной воде, белеет нога...

– Ну, во-первых, это не камыш, – пытался отвлечь жену от кошмарной картинки, которая не отпускала ее вот уже почти два часа, муж. – Это рогоз. Во-вторых, зачем ты вообще полезла туда?

– Так нарвать для букета, чтобы домой привезти!

– Помнится, совсем недавно ты говорила, что букет из камыша...

– Из рогоза же!

– Да какая разница?! Говорят, что поставить букет из камыша в доме – плохая примета. Женщина всхлипнула:

– Ну да, камыш в доме к болезням и смерти! Получается, что примета работает... Хоть домой и не привезли, а смерть, вот она, в камышах! Скажи, ее уже достали оттуда? Молодая? Как выглядит?

– Таня, что у тебя в голове? Спроси еще, красивая она или нет!

– Так женщина же, Боря, человек, жалко. Что с ней сделали? Господи, ужас-то какой!

На берегу, на песке, лежало тело молодой женщины. Мокрые светлые волосы облепили голову, закрыли половину лица. На женщине был сплошной купальник черного цвета. Утопленница была худощавая, с плоской грудью, при жизни – высокая и стройная. Такой ее, во всяком случае, представил себе Борис. И она, конечно же, не просто утопленница. В области живота можно было разглядеть рану. «Нож, – решил Борис. – Ее убили ножом. Это убийство».

Над телом склонился мужчина в легком летнем костюме – судя по всему, судмедэксперт. Молодой следователь, обливаясь потом в сером костюмчике, сидя на пеньке поодаль от тела и пристроив папку на коленях, записывал что-то, видимо, вел протокол.

– Боря, когда уже можно будет поехать домой? – заскулила Таня, еще глубже зарываясь носом в поросшую шерстью грудь мужа. – И пусть ее уже поскорее увезут!

Последние слова прозвучали особенно истерично, она буквально взвизгнула.

– Хочешь выпить?

– Но только не шампанского, – захныкала она. – Давай уже водки.

2

Она не ночевала дома. Я понимаю, конечно, многие взрослые люди позволяют себе не ночевать дома, что у них случаются свидания, какие-то спонтанные поездки, несчастные случаи или просто непредвиденные обстоятельства, при которых невозможно ни добраться до дому, ни позвонить. Но все это не про мою сестру. Я не помнила ни одного случая, чтобы Марина не пришла ночевать (разве что останется на ночь у своей лучшей подруги, которая живет в соседнем подъезде, но это не в счет). Где бы она ни была, где бы ни задерживалась, все равно возвращалась домой, на такси ли, на машине друзей, даже пешком!

«Приветик, моя дорогая, – говорила она, входя глубокой ночью в мою спальню, пахнувшая улицей, морозом, снегом или мокрой листвой, усаживалась на кровать, брала меня за руку, склонялась надо мной и шептала на ухо: – Я вернулась. Теперь можешь спать спокойно. Или ты подумала, что твоя старшая сестра бросит тебя одну на всю ночь? Я здесь, с тобой, и я люблю тебя, моя дорогая Катя. Ну все, спокойной ночи».

Она поправляла мое одеяло, целовала меня, разбуженную и почти спящую, в щеку и выходила из комнаты.

Она на самом деле редко задерживалась. Как правило, с работы она могла зайти только в магазин за продуктами, а потом спешила домой, ко мне. Когда же задерживалась я, моей сестрой это воспринималось как тяжелейшее преступление против семьи, и когда такое со мной случалось, я чувствовала себя страшно виноватой и страдала рядом с обиженной и замкнувшейся в себе сестрой.

Марина – прирожденный педагог, она филолог, как и я, и преподает в обычной школе. Я же – в Кропоткинском лицее (для непосвященных, это один из самых престижных лицеев города, где обучение стоит больших денег и куда не так-то просто попасть в качестве ученика, не говоря уже о том, чтобы устроиться туда преподавателем). Моей сестре тридцать два года, она человек целеустремленный, серьезный, ответственный, умеющий любить, и я не знаю, как бы сложилась моя жизнь, если бы у меня не было Марины. Должно быть, я пошла бы по наклонной (так, во всяком случае, она и говорит).

Так вот. В то утро я вдруг отчетливо поняла, что Марины в доме нет. Точнее, в квартире. Потому что если бы она была дома, то даже до моей спальни добрались бы аромат кофе или запах яичницы. Да и звуков было бы куда больше. Это и хлопанье дверей, шум льющейся воды, стук дверцы кухонного шкафа, фарфоровое звяканье посуды, характерный звук открывающегося холодильника, шаги, тихая электронная мелодия, оповещающая конец стирки нашей новой стиральной машинки, или тихий голос моей сестры, разговаривающей по телефону.

Как же могло такое случиться или, вернее, что же такого могло случиться, чтобы Марина вчера не вернулась домой? Куда она пошла? Что она говорила? Возможно, я и запомнила бы это или хотя бы знала, если бы не эта неприятная история с конфетами.

Ну да, я купила дорогие шоколадные конфеты, Michel Cluizel, заплатив за драгоценную коробочку больше трех тысяч рублей. Решила покутить с полочки. Что в этом такого? Так хотелось попробовать мне знаменитых французских конфет. Купила, принесла домой, заварила чай и стала дожидаться прихода с работы моей сестры. Она пришла, увидела коробку на столе, пожала плечами и пошла переодеваться.

– Марина, посмотри, какие конфеты я купила, – сказала я. – Помнишь, я рассказывала тебе о них?

– Это те, что кучу денег стоят? – услышала я доносящийся из ее спальни какой-то утробный голос, из чего сделала вывод, что она стягивает с себя через голову юбку или блузку.

– Ну да...

– Я сейчас приду, – буркнула она и заявила на кухню в халате. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

– Я понимаю, конечно, – завела она старую пластинку, – что тебе крупно повезло, что ты устроилась в Кропоткинский лицей, где платят огромные деньги, хотя ты, как филолог, ничуть не лучше меня, если не хуже... И вместо того, чтобы учить детей литературе и русскому языку, ты гуляешь с ними по парку, слоняешься по музеям, кормишь их пищей... Но это твой метод воспитания, мы с тобой уже это обсуждали. Дешевый популизм. Ладно. Ты хочешь таким образом завоевать любовь своих учеников. Но вот так бездумно и легкомысленно взять и отвалить три тысячи за небольшую коробку конфет!.. Тебе что, русских конфет не хватает? Бабаевские там и другие. Вкуснейшие конфеты!

И тут она в порыве каких-то яростных чувств вскрывает коробку французских конфет, и мы обе видим, что все двадцать восемь толстеньких квадратных конфет с разноцветными марципановыми вкраплениями покрыты белым налетом. Таким нехорошим белесым пудровым налетом, как это бывает со старыми, побывавшими в холодильнике шоколадными конфетами.

– Ну вот, что я говорила?! – торжественно и как-то даже победоносно воскликнула Марина, тыча указательным пальцем в коробку. – Еще и старые купила! С червями!

Мне и самой уже неудобно перед сестрой. Зачем я потратила столько денег на эти конфеты? Что за дурь?

– Уж лучше купила бы гель для стирки белья и упаковку туалетной бумаги, все скоро закончится. И муки бы пять килограммов взяла. А еще лучше – купила бы говядины, может, хватит тебе уже жирными свиными отбивными ужинать? Ты когда на весы последний раз вставала? Ты только посмотри на себя, разжирела как свинья!

Вот кто, как не самый близкий человек, скажет мне правду? Никто. В моем коллективе все считают меня стройной, и никому в голову не придет обозвать меня жирной. Но что они знают обо мне? Да ничего. А вот моя сестра знает обо мне все. И если кому я и не безразлична по большому счету и кто заботится обо мне, так это только она, Марина. И если она считает, что я ем слишком много жирного и сладкого, то это сущая правда. И что все это вредно.

Почему я вспомнила обо всем этом в то утро? Да потому, что в квартире было нестерпимо тихо – Марина не вернулась.

Это я сейчас так спокойно вспоминаю сцену с конфетами и то, как меня обозвали жирной свиньей. Но тогда, помнится, мне стало так обидно и за конфеты, и за только что заваренный чай, и за мое желание посидеть с сестрой, почаевничать, а вместо этого получить порцию нравоучений, что я заплакала.

– Когда ты плачешь, – сказала тогда сестра, – то словно выпиваешь из меня всю душу. Ты думаешь, конечно, что я хотела тебя оскорбить, унижить, а ведь я люблю тебя, дурочка моя, и всегда хочу тебе только добра. Но раз ты так реагируешь на мое желание помочь тебе, раз ты не ценишь мою любовь, то забудь, что я вообще есть.

Это были ее последние слова в тот вечер. Я знала, что последует за этим. Несколько дней молчания. Несколько дней моих страданий, потому что я не могу, когда Марина молчит. Чувство вины заглатывает меня целиком, и я начинаю задыхаться...

В дверь позвонили, я пошла открывать. Это была Зоя, коллега Марины и наша соседка, она жила в соседнем подъезде.

– Привет, Катюша, – сказала она, широко улыбаясь. В школе готовились к первому сентября, и все учителя были привлечены к авральным августовским работам. Они отмывали окна после ремонта, заполняли документы, готовили учебные программы, писали планы, работали с методической литературой, подготавливали список литературы для учеников, приводили в порядок цветы, которые забирали в июне домой, украшали кабинеты. Вот и сейчас на Зое был

не строгий костюм или скромное платье учительницы начальных классов, а джинсы и веселая блузка.

– Привет, Зоя, – проговорила я растерянно, почему-то оглядываясь, словно где-то в квартире могла прятаться до этого не обнаруженная Марина. Я же понимала, что Зоя зашла за моей сестрой, чтобы они вместе отправились в школу.

– Куда сестру спрятала? Время!

– Так сегодня же суббота. Выходной.

– Да это все понятно. Но мы же с ней договаривались, что вместе пойдем – к десяти должна приехать одна наша родительница, у нее свой цветочный магазин, и она дарит классу двадцать горшков с цветами, в основном с геранями. Ну как не встретить родительницу, не расставить цветы? Да там работы-то всего на часок.

– Зоя, Марины нет. Она не вернулась вчера домой. Не знаю, куда она отправилась и с кем, но ночевать не пришла.

– Марина? Да куда она могла отправиться?

– Понятия не имею. Мы с ней вчера немного поссорились, она, как это водится, перестала со мной разговаривать, я закрылась в своей комнате, но слышала, что она точно куда-то собирается. Она хлопала дверями шкафов, носилась по комнатам туда-сюда, потом сильно запахло духами. И когда я вышла, то застала ее уже в прихожей, вот здесь, она сидела на стуле и надевала свои новые сандалии. На ней был спортивный костюм, а на полу стояла дорожная сумка, из которой торчало горлышко нашего старого китайского термоса.

– Мальбрук в поход собрался, значит. Понятненько. Но с кем?

– Я подумала, что с тобой.

– Нет. Я ничего об этом не знаю. А что ее телефон?

– Он молчит. Ни гудков, ничего. Он словно умер.

– Бр-р-р... Ну ты и скажешь! Гудков нет?

– Нет.

– А до того как вы поссорились, она ничего не рассказывала, куда собирается?

– Нет. Но вид у нее был довольно счастливый.

– А чего ругались-то?

– Да так... Мелочи жизни, – я никогда не посвящала посторонних в наши семейные дела.

Осторожничала.

– Ну что ж... Будем надеяться, что твоя сестра нашла себе мужичка да и загуляла!

Мне показалось или нет, что в голосе Зои прозвучала насмешка?

Всем было известно, что самая главная проблема в жизни моей сестры – это отсутствие какой-либо личной жизни. Что мужчины, несмотря на ее, казалось бы, эффектную внешность (высокий рост, красивая худоба, огромные черные глаза), обходили ее стороной, словно она была заколдована злой ведьмой. Мы с Зоей не раз обсуждали эту тему. Обычно это происходило после какого-нибудь веселого школьного корпоратива, к которому моя Марина готовилась задолго, надеясь хотя бы в расслабленном и пьяненьком состоянии понравиться кому-нибудь из преподавателей-мужчин. Покупались платья и украшения, косметика и духи, туфли и сумочки-клатчи, но очередной корпоратив происходил так же, как и предыдущий, и, вернувшись поздно ночью домой и сорвав с себя одежду, Марина подолгу рассматривала себя в зеркале, пытаясь понять, что в ней не так.

– За метр обходят, – удивлялась она, глядя на свое довольно-таки поджарое и мускулистое тело. – Что грудь плоская, так это у половины наших баб такая же беда. Но только они все замужем, детей куча. Что во мне не так, Катя?

– Да все в тебе так, – поддерживала ее я. – Просто все они слепые. Или же, что самое страшное, видят в тебе умную женщину, именно это их и отпугивает.

– Хочешь сказать, что я работаю с одними дурами?

Что тут было ответить? Я переводила разговор на другую тему. Спрашивала, не сползали ли чулки на кружевных резинках с ляжек, когда она танцевала, комфортно ли ей было в новом платье? Обратили ли ее коллеги внимание на ее новые серьги, и все в таком духе. Она понимала этот мой маневр, отмахивалась от меня и шла в душ, где, как я понимала, она будет плакать.

Я знала, что после таких вечеринок с обилием шампанского и закусок моя сестра захочет поесть перед сном горячих щей или супа, а потому, пока она приходила в себя в ванной комнате, подогревала ей еду, накрывала на стол на кухне, дожидалась ее, чтобы продолжить свою успокоительную терапию.

– Между прочим, – заводила она с порога, вернувшись закутанная в халат и с тюрбаном из полотенца на голове, – еще неизвестно, как чувствовала бы себя на нашем празднике жизни ты, Катя. Думаю, что тебя просто не заметили бы из-за твоего маленького роста. Да и одеваешься ты вульгарно, у тебя же совершенно нет вкуса! Ты пойми, единственное твое сокровище, которое тебе непременно захочется продемонстрировать, я имею в виду твою грудь третьего размера, будет воспринято нашими мужиками исключительно как сексуальная приманка. Ну, заметит тебя кто-нибудь, Владимир Николаевич, к примеру, физрук, в своем углу позади спортивного зала, ну, там, где воняет лыжной мазью еще с зимы и где почти все пространство занимает огромный теннисный стол, начнет лапать... Разве тебе этого захочется?

Она так часто вспоминала этого своего физрука с его теннисным столом, что нетрудно было догадаться, что же там когда-то давно произошло между этим Владимиром Николаевичем и Мариной. И откуда ей знать, как там пахнет, не говоря уже о том, откуда ей знать, как бы повел он себя со мной, появись я на школьном корпоративе. Наверняка этот парень напился да и потащил за собой мою сестру в свой медвежий угол, завалил ее там, прямо на теннисном столе...

– Марина, успокойся, я никогда не появлюсь у вас на корпоративе, а потому не надо пугать меня вашим физруком.

– А что это ты меня успокаиваешь? Ты кто вообще? Не надо меня успокаивать. У меня все в порядке. Я спокойна. Вот доем щи и пойду спать. Все! Какие проблемы? Что ты пристала ко мне? Или ты думаешь, что моя откровенность дает тебе право вот так снисходительно вести себя со мной? Еще неизвестно, чем занимаешься ты в своем лицее. Не факт, что, когда ты задерживаешься там после занятий, не запираешься в своем кабинете с каким-нибудь физиком или математиком. Или ты думаешь, что я совсем слепая и не вижу твою довольную физиономию, когда ты возвращаешься растрепанная, с красным лицом и блудливыми глазами?

Вместо того чтобы защищаться (а я этого почти не умею и перед сестрой обычно робею, и мне в такие минуты кажется, что я становлюсь еще ниже ростом), я ставлю перед сестрой большой бокал сладкого чая.

– Вот. Выпей и ложись.

Казалось бы, обычная фраза, но почему-то даже она воспринимается как вызов.

– Ты будешь мне еще приказывать? Ты это серьезно? Вот так ты платишь мне за все, что я делаю для тебя? Посмотри мне в глаза, ты что, серьезно не понимаешь, почему я до сих пор одна, не замужем? Или ты поверила, что мужчины действительно не обращают на меня внимание? Да все же из-за тебя! После смерти родителей кто тебя воспитывал? Кормил, лечил, таскал по врачам? Вместо того чтобы заниматься личной жизнью, я нянчилась с тобой, с трехлетней! Все твои болезни стали моими. Я была значительно моложе, как ты понимаешь, да я была совсем девчонкой, когда ты оказалась у меня на руках! Я отказывала себе во всем! И я никогда не выбирала, идти ли мне на свидание или сидеть дома с тобой...

Родители наши погибли, и смерть их была ужасная. Зимой оба отправились на рыбалку и провалились под лед. Их долго искали баграми... Нашли.

Мне тогда на самом деле было три года, а моей сестре – девять. Она на шесть лет старше меня. И когда родителей не стало, нас воспитывала наша бабушка. И это она кормила и лечила

нас, но у моей сестры в памяти почему-то остался тот период жизни, когда ей было, предположим, девятнадцать, а мне тринадцать, я как раз тогда заболела корью, и она, заразившись от меня, тяжело заболела и вынуждена была сидеть дома. Во всяком случае, именно тогда, я хорошо это помню, она была влюблена в мальчика из соседнего дома, его фамилия была Чернов, и это он научил ее целоваться по-взрослому. Думаю, он пытался научить ее и еще кое-чему, о чем она все порывалась мне рассказать, но так и не рассказала. Намекнула просто, что ее *тогда* чуть не стошнило. Позже, вспоминая этот свой первый сексуально-оральный опыт, она будет клеймить всех мужчин на планете не иначе как скотами и извращенцами.

Так что же случилось вчера вечером такого, чего я никак не могу вспомнить? И почему сестра не сказала мне, куда и с кем едет?

Я сказала Зое, что она всю дорогу молчала. Да, это так. Но почему? Почувствовала ли она свою вину за то, что швырнула в меня чашку с горячим чаем, но, промахнувшись, разбила ее о стену? Или растерялась после того, как больно ударила меня по лицу за то, что я попробовала в который уже раз убедить ее в том, что меня пригласили в лицей не «за красивые глаза», а по рекомендации одного моего знакомого, по счастью, занимавшего не самое последнее место в отделе образования. И что я не спала с ним, как это представляла себе моя сестра, обо мне он справился на моем прежнем месте работы, в обычной школе, которая, между прочим, славилась на весь наш район тем, что я организовала там маленький театр, где мы с ребятами ставили незатейливые пьесы, сочиненные самими школьниками. К тому же мои ученики занимали первые места на олимпиадах по русскому языку. Я так и не поняла, почему Марина мой переход в лицей постоянно связывала с какой-то сексуальной взяткой должностному лицу. Быть может, она слышала о таком способе в связи с кем-то другим?

Да, точно, она действительно отправилась куда-то за город, и явно не одна. Спортивный костюм, термос. Куда и с кем? Но зачем так крепко душиться духами? Мужчина? Да, выходит, у нее появился мужчина, который и пригласил ее за город. И она не вернулась потому, что, во-первых, не могла дозвониться, просто оказавшись вне зоны доступа, во-вторых, вчера в нашем районе бушевали грозы (правда, в городе прошел всего лишь небольшой слепой дождик), и дорогу, по которой она со своим спутником заехала в лес, размыло...

Словом, первый день, когда моей сестры не было дома, я не особенно и тревожилась. Признаюсь, я даже на время забыла об этом. Мне, как и ей, надо было отправляться в лицей, поработать с документами и методичками и, что самое неприятное, повесить шторы в кабинете. Терпеть не могу это занятие. По мне лучше полы помыть, чем стоять с высоко поднятыми руками и цеплять петли за пластмассовые крючки.

А вечер так и вовсе обещал быть для меня невероятным – Кристина позвонила и сказала, что приготовила для меня сюрприз.

3

Следователь Сергей Иванович Родионов поднял взгляд на стоящую перед ним девушку. Ее звали Людмила, но в отделе к ней все обращались не иначе как Люся. Лейтенант Рожкова. Все мужики следственного комитета и опера были в нее влюблены, ей постоянно дарили цветы и шоколад, а вот она, позабыв всякий стыд, всем своим видом демонстрировала свою симпатию именно к Сергею.

– Ты снова с кофе?

– Сергей Иванович, не гоните. Дайте хоть посмотрю на вас, – Люся поставила ему на стол стаканчик с кофе.

Конечно, это была игра, оба улыбались, шутили, при этом так и норовя коснуться друг друга, но Сергей, у которого никогда не было проблем с женщинами, постоянно себя одергивал, сдерживался, чтобы даже не обнять по-настоящему Люсю. Лейтенант Рожкова была просто создана для семьи, с такими девушками не развлекаются, на таких женятся. И вот именно этот фактор и не позволял Сергею ухаживать за ней, давать ей надежду. Пока. Не готов он был к женитьбе. Квартиру не купил, жил в съемной, денег особых тоже не было. А как жениться, когда ни жилья нет, ни возможности содержать семью? Не в лесу жил, знал, сколько стоит приличный букет цветов или ужин в даже самом скромном ресторане, а однажды специально зашел в отдел с детскими вещами для новорожденных и глазам своим не поверил, когда увидел, сколько стоят все эти распашонки, ползунки и памперсы.

Нет-нет, он не станет торопиться. У него был план: оформить ИП на своего двоюродного брата, выкупить небольшую станцию техобслуживания, расположенную неподалеку от его гаража, взять кредит и, докупив оборудование, открыть ее. За последние месяцы он довольно неплохо продвинулся в этом – собрал необходимые документы для получения кредита и даже нашел двух толковых мастеров.

– Да что на меня смотреть-то? – Он нахмурился. – Лейтенант Рожкова, ты мне лучше скажи, готов ли список пропавших женщин?

– Сергей Иванович, да я к вам с этим и пришла! За последний месяц к нам вообще никто не обращался с заявлением о пропаже женщин от двадцати пяти до тридцати пяти лет, к моему большому сожалению.

– Люд, ты серьезно? Ты сожалешь о том, что никто не пропал?

– Нет, Сергей Иванович, я сожалею о том, что не могу вам помочь установить личность жертвы.

Он вдруг встал, подошел к Люсе, такой хрупкой, тоненькой, с огромными синими глазами, крепко обнял ее и едва коснулся губами ее губ. Затем отстранил ее, просто отодвинул от себя, как красивую и легкую куклу, и вернулся на место. Вздохнул, не глядя на оторопевшую Рожкову.

– Ладно, идите уже, лейтенант Рожкова. И спасибо за кофе.

– Ну и дурак, – она покрутила пальцем у виска, усмехнулась и вышла из кабинета. Он подумал тогда, как же ей идет форма. Полюбовался ею.

Так, хорошо. Он снова вернулся к разложенным на столе вещдокам. На месте преступления, на берегу реки Малый Узень, рядом с остывшим кострищем были обнаружены вещи жертвы: спортивный костюм, кроссовки, дорожная сумка с термосом с кофе, пластмассовая коробка с бутербродами, спички, таблетки сухого спирта, косметичка с разными женскими штучками типа помады и пудры, упаковка с презервативами. Получалось, женщина приехала сюда на свидание. Явно на машине, потому что до ближайшей остановки автобуса примерно

десять километров, где деревня Бобровка. Поблизости расположено садовое товарищество «СНТ «Виноградное», за которым проходит железная дорога и ходят электрички. Понятно, что никаких камер видеонаблюдения поблизости точно нет. Глухое место. Вот разве что дачники могли что-то увидеть. Но это если предположить, что женщина приехала на электричке. Но среди ее вещей билета он не обнаружил. Значит, все-таки на машине. Была гроза, какие-то следы протекторов сохранились, конечно, но часть была все-таки смыта дождем. Женщина была убита вчера, то есть в пятницу. И по пятницам это место наверняка пользовалось популярностью у любителей природы. Река, большая, покрытая мягкой травой поляна, кострище, а рядом – вековые дубы, в тени которых можно спрятаться. Идеальное место для отдыха. Судмедэксперт Саша Суровцев сказал, что у этого места даже свое название имеется – «У трех дубов».

Дачники, он снова вернулся к этой теме. Только кто-то из них мог что-то увидеть. И если его помощник, стажер Паша Александров, разыщет людей, которые могли бы видеть стоящую на берегу машину, то это уже будет большой удачей. Если подняться по дороге к шоссе, то там-то есть камера, и тогда можно будет хотя бы попытаться вычислить эту машину. Хотя надежды маловато.

Если предположить, что жертва со своим убийцей решила устроить здесь пикник? Или нет, если преступник пригласил жертву к «Трем дубам», то не особенно-то он и готовился – на месте нет ни расстеленного на траве пледа, ни остатков еды, ничего. Они даже кофе из термоса не успели выпить. Хотя женщина переделалась в купальник и, возможно, успела искупаться в реке. И это после грозы, когда вода вряд ли была очень теплой. Она стройная, длинноногая, может, специально переделалась в купальник, чтобы мужчина мог оценить ее фигуру? На берегу тоже нет следов. Словом, несостоявшийся пикник.

Сейчас Саша поработает над трупом, может, сообщит что-нибудь интересное. Предположительно, женщина скончалась от ножевых ранений. Ей было нанесено два удара – один в живот, другой – в область шеи чуть ниже затылка. Получалось, что преступник напал на нее сзади, ударил ее ножом, она упала, и тогда он нанес ей еще один удар, уже в живот. Чтобы убить наверняка. Преступник понятия не имел, куда наносить смертельные удары, а потому бил хаотично, куда придется.

Внешний осмотр тела показал, что женщина эта была ухоженна, следила за собой, пальцы рук выдают в ней человека, далекого от физического труда. Может, она была бухгалтером или работала с документами в каком-нибудь офисе. А может, была преподавателем музыки? Хотя вряд ли. Да мало ли таких профессий, при которых можно ходить с длинными ногтями и только и делать что стучать по компьютерным клавишам.

Он позвонил судмедэксперту.

– Саш, привет. Ну что у тебя там?

Он понимал, что рановато звонит, но хотя бы что-то узнать, чтобы двигаться дальше.

Он выяснил, что жертве примерно тридцать – тридцать пять лет, что она не была изнасилована. Что не беременна. Накануне смерти она поела тушеную капусту с колбасой и съела яблоко. Алкоголя в крови не обнаружено. Что была здорова и что даже все зубы целые, ни единой пломбы! И это пока все.

Кто же ты такая?

Он полистал в телефоне снимки, которые ему прислал Саша. Увеличивая их, он всматривался в лицо жертвы, как если бы по каким-то приметам, деталям мог узнать о ней больше.

Кошелек! Ни одна женщина не смогла бы отправиться на свидание без денег. Где он? А что, если недостаточно тщательно осмотрели место преступления? Искали нож, орудие этого самого преступления. Но ведь после того, как женщину убили и швырнули или оттащили к камышам, чтобы сбросить в воду, на месте могли побывать другие люди и забрать то, что плохо лежит.

Сергей собрал все документы, сложил в папку, сунул в сейф, который потом закрыл. После чего его взгляд упал на лейку. В ней еще оставалась вода. Он полил единственный цветок, названия которого он не знал, после чего вышел из кабинета, запер его и спустился к машине.

– У тебя как со временем? Очень занята?

– А что? – Она сощурила дивные синие глаза, улыбнулась тонкими розовыми губами. Какое счастье, подумал Сергей, что она не приклеила или там не нарастила длиннющие ресницы и не надула какой-нибудь гадостью свои губки.

– Приглашаю тебя на деловой пикник. Место «У трех дубов» называется. Была там когда-нибудь?

4

Мне было ужасно стыдно, что я за весь день, что молчал телефон моей сестры, ни разу ей не позвонила. Решила, что, раз она устраивает свою личную жизнь, не буду ей мешать. И тот факт, что она мне не звонила, нисколько не огорчил меня, больше того, я почувствовала даже какую-то свободу, вернее, хотя бы временное отсутствие контроля.

Никому не нравится, когда контролируют, когда взрослого человека заставляют докладывать, а то и отчитываться, где находится и чем занимается. Это бесит меня, однако все это делается моей сестрой якобы из-за любви. Но что такое ее любовь? Думаю, что она до сих пор считает меня маленькой девочкой, которую нужно опекать, наставлять и направлять. Счастье, что она в какой-то момент перестала заплетать мне косы и повязывать банты. Так туго заплетать косы, стягивая волосы с таким остервенением, что глаза чуть ли не съезжали к ушам, а скальп едва ли не отрывался, могла только моя сестра. Причем у нее по поводу этого была своя теория, что якобы таким образом волосы будут быстрее расти и, соответственно, будут здоровее и гуще. Сама же она практически с самого детства ходила к нашей соседке-парикмахерше Вере, которая делала ей фирменную стрижку, из-за чего волосы моей сестры всегда держали объем, симпатичную форму и выглядели очень аккуратно и стильно.

Думаю, после таких вот экзекуций, повзрослев и отвоевав себе право самой заниматься своими волосами, я вообще перестала их хотя бы как-то забирать, заплетать или даже укладывать. Уже давно мои волосы спокойно струятся по плечам, и единственный мой уход за ними (не считая, разумеется, использования дорогих шампуней, масок и масел) – это аккуратное подравнивание кончиков ровно на пять сантиметров. Такое обращение со своими волосами является своеобразным извинением перед ними за долгие годы попыток тугими косами.

В тот день я несколько часов провозилась в своем кабинете в лицее, развешивая шторы, прибираясь в шкафах и заполняя документы, после чего поехала к Кристине, купив по дороге эклеры. Домой приносить пирожные мне было строго-настрого запрещено – по мнению моей сестры, они были вредны, как самый настоящий яд. Принести домой эклеры и поесть их, давась кремом под грозные речи моей сестры, удовольствие ниже среднего. Поэтому я наслаждалась ими либо в кондитерских, либо в ресторанах, где бывала с подружками, или же у Кристины.

Кристина... Я познакомилась с ней примерно год тому назад при удивительных обстоятельствах. После крупного скандала, вызванного моим желанием купить машину, я, получив от сестры пощечину за то, что якобы грубо с ней разговаривала, выбежала из дома и пришла в себя уже в парке, на скамейке. Опухшая от слез, икая и то и дело промокая льющиеся без конца слезы со щек, я мысленно готовила побег из дома, рисуя самые нереальные, фантастические поездки в никуда или (почему-то) в Карелию. О Карелии я тогда мало что знала. Она представлялась мне каким-то невероятно чистым и хрустальным краем, крепко пахнущим лесами и озерами, где можно затеряться, найти себе приют и пустить там корни. Предполагалось, что я поселюсь в каком-нибудь живописном месте, где есть школа, и начну там преподавать. Больше того, я мысленно уже отправлялась с моими несуществующими пока учениками на природу, мы пекли там на костре картошку, пили кофе из термоса и читали стихи.

– Можно? – Я подняла глаза и встретила взглядом с высокой молодой женщиной в джинсах и длинной батистовой мужской рубашке молочного оттенка. Одна рука ее чуть ниже локтя была перепачкана зеленой краской, которую она, видимо, не заметила, а потому не стерла.

– В смысле? – не поняла я.

– Я могу присесть рядом с вами?

– Да пожалуйста... – Я успела оглянуться, чтобы убедиться в том, что две скамьи по обе стороны от меня свободны.

– Я могу вам чем-то помочь?

Длинный разрез ее карих глаз делал их похожими на олени. Густо подведенные черным, они, казалось, занимали половину лица. Черные вьющиеся волосы, лицо бледное, губы накрашены бледно-розовой помадой. От женщины пахло лимонами. Вот говорят же, что от некоторых людей исходят невидимые токсичные волны, это как от моей сестры, которая постоянно травит меня своей нехорошей энергией. От этой женщины шла такая мощная и какая-то радостная энергия, что я, словно хорошо политый чистой водой цветок, перестала вдруг плакать и даже улыбнулась.

– Да нет, спасибо. Все в порядке, – в подтверждение своих слов я как-то вся подобралась на скамейке, сдвинув колени, выпрямив спину и привычным движением заправив волосы за уши.

– Меня зовут Кристина. Я художник. Увидела вас, ваше лицо, и не смогла пройти мимо. Вы не хотели бы попозировать мне?

– Что?

– Я работаю над одной картиной, она, знаете, такая фантазийная, но там в центре должно быть женское лицо. Вот как у вас. Я заплачу вам.

– И чем же мое лицо вас привлекло? Оно опухло от слез... – вдруг разозлилась я. – Вас именно поэтому оно так привлекло?

– Нет. У вас был такой одухотворенный взгляд, как если бы вы были не здесь, а где-то далеко, и там вам было хорошо.

Ну, конечно, я же была в Карелии и пекла картошку с учениками!

– Ну, хорошо. Только я работаю. Свободна бываю только вечером. И никаких денег мне не надо, – поспешила я предупредить ее, сразу же оценив возможность хотя бы немного сменить обстановку и после работы мчаться не домой, а вот к этой Кристине. В ее квартире наверняка пахнет краской и повсюду много всего интересного. Другая жизнь. Жизнь, которая уж точно отличается от моей. Вот только как объяснить это моей сестре? Она же сразу попытается пресечь все на корню, скажет, что я полная дура, раз согласилась отправиться к незнакомой женщине якобы попозировать...

– Завтра в семь вас устроит? Я живу неподалеку от этого парка, буквально в двух шагах отсюда, там моя мастерская.

От слова «мастерская» сразу же в моем воображении крепко запахло скипидаром, льняным маслом, растворителями и, конечно же, красками. Мастерская – да это же целый мир!

– Хорошо, я смогу.

– Тогда давайте обменяемся номерами телефонов, и я пришлю вам свой адрес.

Я продиктовала ей свой телефон, она проверила, перезвонив мне. И этот звонок, эта мощная мелодия, разрезал мою жизнь на две части, отодвинув куда подальше все прошлое и озарив каким-то счастливым светом будущее.

Перед тем как уйти, она поднялась со скамейки, склонилась надо мной и слегка провела рукой по моему лицу – овал от уха до уха по линии подбородка. Словно мысленно прочертив его уже на холсте. Я зажмурилась, решив, что она собирается меня поцеловать.

– Тогда до завтра!

Она уже отошла довольно далеко от меня, когда я вспомнила, что она даже не спросила, как меня зовут.

Я поплелась домой, и этот путь, тоже пешком – жила я довольно далеко от парка, – занял у меня почти целый час. Уже перед дверью, собираясь ее открыть, я почувствовала тошноту,

а потом как-то сразу заныл живот. Это была моя реакция на то, что должно произойти сейчас, стоит мне только переступить порог нашего дома. Позвонить или открыть дверь своими ключами? И тот вариант проникновения в квартиру, и другой – все было одинаково опасным и неприятным. Опасным в смысле комментариев или упреков Марины. Если открою сама, то станет ворчать, что вошла тихо и незаметно, словно хотела «подловить ее на чем-то постыдном» (хотя понятия не имею, чего такого постыдного она может делать!), но это ее слова! Если же позвоню, то упрекнет в том, что я потревожила ее, отвлекла от какого-то важного дела, вместо того чтобы самой воспользоваться ключами.

И тогда я выбрала третий, совершенно неожиданный для себя вариант – ногой, носком балетки ударила по двери. Внизу, чуть повыше порога. Не знаю, как это случилось. Возможно, это взбрыкнула моя досада или проснулся, чтобы сразу же уснуть, мой маленький протест против домашнего тирана?

Дверь тут же распахнулась, как если бы моя сестра все это время стояла в прихожей, дожидаясь моего возвращения.

– Катюша, да ты ж моя милая! – Я буквально упала в ее крепкие объятия и с каким-то отвращением почувствовала на своем лице ее быстрые мятвые поцелуи. – Прости-прости меня, дуру, ради бога! Я не должна была тебя бить. Не знаю, как это случилось. Ты должна понять меня. Машина – это очень опасно. Ты только открой интернет и почитай, как много аварий случается вокруг, как много людей погибает, а ты... ты же совершенно не умеешь водить! Те курсы, которые ты окончила в позапрошлом году, – это не в счет. У тебя нет практики...

Курсы! Ну конечно! Я училась на курсах вождения втайне от сестры (первое время), а потом в силу определенных обстоятельств вынуждена была признаться в этом, после чего сразу же получила примерно такую же пощечину за «недопонимание»! Кажется, она и тогда говорила что-то про аварии и опасность на дорогах. И весь тот жуткий скандал был так же, как и сейчас, преподнесен как акт заботы обо мне, младшей сестре. И я должна была простить ее за то, что она таким вот демоническим образом преподносит мне уроки любви.

Вот и в этот раз, обლობызав меня и тысячу раз попросив прощения за свою несдержанность, она кинулась заботиться обо мне неистово. Раздела меня, разула, сама надела на меня домашние тапочки, проводила в ванную комнату и следила за тем, как я намыливаю руки. Я же, подчиняясь ей, чистая и умытая села за стол и дала себя накормить. Оказывается, пока меня не было дома, моя сестра напекла блинчиков, блинчиков, которые были вредны почти так же, как и эклеры! Блинчики блестели от масла, к тому же на столе стояли розетки со густым молоком, черносмородиновым джемом и медом. Ну просто пир богов!

– Ты простила меня? Простила? – Она буквально вцепилась пальцами в мои плечи, стоя позади моего стула и дыша мне в макушку.

– Марина, да конечно... – говорила я, отправляя сдобренный сгущенкой блинчик себе в рот. – Только, пожалуйста, не отговаривай меня от покупки машины. Это глупо. Дико, наконец! Тебя послушать...

И тут я получила подзатыльник. Не сказать чтобы сильный, нет, но такой, что от неожиданности выплонула на стол кусок блинчика.

– Я вижу, ты не понимаешь, что все мои действия направлены исключительно на то, чтобы защитить тебя от тебя же!

– В смысле? – Я медленно повернула голову, чтобы посмотреть ей в глаза. – Как это – защитить меня от меня?

– Потом поговорим, – она отпрянула от моего стула и подошла к окну, встав ко мне спиной. – Ешь давай!

Мне показалось, что на кухне выпал снег – до того стало холодно. А плечи, к которым прикасалась вот только что моя сестра, заledenели.

Да уж, подумалось мне тогда, не самый удобный момент для того, чтобы рассказать ей, вновь расвирепевшей, о том, что я согласилась поработать натурщицей у Кристины. Что ж, придумаю что-нибудь. Договорюсь с ее же подружкой, которой она доверяет, с Зоей, что буду подтягивать по русскому языку какую-нибудь ее знакомую девочку.

Это было первым, что пришло в голову. Но все остальные мои варианты обмана были отменены мною же, стоило мне только представить себя на месте моей сестры. Если скажу, что записалась в бассейн, она скажет, что я могу там утонуть. Если сочинить что-нибудь про танцевальную студию, где меня могут научить аргентинскому танго, скажет, что туда ходят одни шлюхи и альфонсы. Если запишусь на курсы акварели, скажет, что...

Браво, Катя! Я поздравила себя, когда мысленно только произнесла слово «акварель». Живопись, уроки живописи – вот что будет наверняка безопасно в глазах моей сестры. Тихое и приятное занятие с хорошей перспективой стать великой художницей. А почему бы и нет! Я и с Кристиной договорюсь, что будто бы беру у нее уроки. Вот только расскажу о новом своем увлечении в другой раз, хватит мне на сегодня скандалов, слез и мятных поцелуев.

Я уже почти дошла до мастерской Кристины, как позвонила Зоя. Спросила меня, где я.

– Иду к художнице на урок, – сказала я. – А что? Марина звонила?

– Да в том-то и дело, что не звонила. И на телефон не отвечает. Может, все-таки в полицию пойдем? Заявление напишем?

– Ну ладно... – оторопела я. – Думаешь, все так серьезно?

– Ты что, не знаешь свою сестру? Да она должна была уже сто пятьдесят раз позвонить и тебе, и мне, и всем! Она человек крайне ответственный, она целую кучу народа держит под контролем. Она не могла вот так взять и исчезнуть, никому и ничего не сообщив. И если не рассказала тебе и мне, то на самом деле все это похоже на свидание, в котором ей стыдно признаться. Так вот, это и есть самое страшное!

– Не поняла. Что страшного-то в этом?

– Да то, что она, получается, познакомилась с мужчиной, с незнакомцем. Я хочу сказать, что ни ты, ни я с ним незнакомы. Мы не знаем, кто он, как его зовут, где он живет и, главное, куда они отправились! И если она молчит, то с ней просто могла случиться беда! Нет, я понимаю, конечно, Маринка наша, она с прибабахом, я-то ее хорошо знаю, и с ней не каждый может общаться, она у нас особенная, но мужику-то это не расскажешь! Может, она ненароком, не понимая, разозлила его, обидела, он ударил ее... Уф, Катя... Ты это, давай уже позвони своей художнице и скажи, что не придешь сегодня. Я скажу тебе, куда подъехать, это на Московской, знаешь, где у нас полиция... Собственно говоря, я уже здесь. Но я ей кто? Может, от меня заявление о пропаже человека и не примут, а ты все-таки родная сестра. Да и вообще, как я могла бы без тебя... Короче, я тебя жду!

И она, не дожидаясь моего ответа, отключила телефон.

5

– Какое место сказочное, Сережа!

– Рожкова, какой я тебе Сережа? Мы с тобой на работе. И официально ты помогаешь мне осматривать место преступления.

– Да-да, конечно. Ты же здесь первый раз, да? – Она хохотнула, показав белые зубки. Как же она была хороша, эта Рожкова, на фоне реки, зеленого берега, могучих дубов, и вся такая лесная нимфа, пронизанная солнцем и пахнувшая наверняка луговыми цветами.

– Нет, конечно, – озадаченно проговорил Сергей, – мы же осматривали это место. Но, может, что-то пропустили. Представляешь, ни телефона, ни кошелька, ни документов.

– Так убийца все это и забрал с собой, чтобы вы подольше не могли установить личность жертвы. Где, говоришь, нашли тело?

Он показал. Они подошли совсем близко к воде. В тени камышовых зарослей она казалась темно-зеленой, Рожкова поморщилась и отошла в сторону, закурила.

– Ты что, куришь? – удивленно спросил Сергей. Он не то чтобы разочаровался, но как-то не вязалась эта пусть даже и тоненькая сигаретка с нежным обликом Люси.

– Сережа, если ты думаешь, что я поставила себе целью завоевать тебя и теперь буду стараться быть лучше, чем я есть на самом деле, то ты глубоко заблуждаешься. Да, ты мне нравишься, очень. Пожалуй, я бы даже вышла за тебя замуж, но ты-то ко мне равнодушен. Да и вообще, я всегда, если ты не заметил, веду себя естественно. Хохочу, даже когда рядом начальство, могу матом покрыть, если нужно, а еще я ем много. Могу съесть две порции котлет с пюре. Вот такие дела.

И она снова расхохоталась, затем перевела дух и затянулась сигаретой.

– Знаешь, что я тебе скажу, хотя фактов у нас – кот наплакал? Это убийство было совершено не ради денег. Женщина отправилась сюда на пикник, это ясно. Ее обнаружили в купальнике. Вряд ли она взяла с собой крупную сумму денег. Так, стоп... А украшения на ней какие-нибудь были?

– Да, тоненькая золотая цепочка и маленькие сережки с изумрудами.

– То есть и золото с изумрудами не сняли. Значит, я права? Не ради корысти ее сюда заманили и убили. Была ли она изнасилована?

– Да вроде нет... Точно нет.

– Вот и спрашивается: за что ее убили? Я понимаю, если бы она просто утонула, так сказать, несчастный случай. Но тут убийство. Зарезали...

– ...ножом. Кололи куда придется, то есть убийца, возможно, совершал это первый раз и нервничал...

– Как-то ты очень уж нежно говоришь об этом отморожке. Но если он заманил ее сюда, чтобы убить, то и мотив должен быть мощный. Она красивая?

– Да не так чтобы... Высокая, стройная, ей за тридцать. Нет, она некрасивая. Ты клонишь к тому, что убийство могло быть совершено на почве ревности?

– Один из вариантов. Почему бы нет? Или же она сильно напакостила преступнику или тому, кто его нанял. Или же она слишком много знала, была свидетельницей другого преступления. Ох, как же я люблю сочинять мотивы!

И тут Рожкова, словно забыв, что перед ней не подруга, принялась расстегивать жакет, сняла его и бросила на траву. Затем быстрыми движениями справилась с пуговицами на белой блузке, сняла ее, оставшись в кружевном бюстгальтере, при виде которого Сергей сглотнул, едва справляясь с волнением. И напоследок стройненькая и полногрудая Люся стянула с себя узкую шерстяную юбку, оставшись в белых и тоже кружевных трусиках, и с разбегу бросилась в воду!

– Дура! – закричал, окончательно растерявшись, Сергей. – Вода же холодная! Да я и так знаю, что ты красивая и что грудь у тебя что надо! Лейтенант Рожкова, быстро на берег!

Но Люся, хохоча и захлебываясь водой, плескалась, поднимая веера брызг, то плывя от берега, то возвращаясь, переворачивалась на спину, погружая голову и раскидывая руки, изображая звезду. Солнце слепило ее глаза, она улыбалась.

Какая же она раскованная! Сергей и не знал, продолжать ли ему разочаровываться или, наоборот, очаровываться этой девушкой. И вот что она сейчас делала? Соблазняла или дразнила? А что, если, когда она выйдет, схватить ее, поцеловать...

Он даже кулаки сжал, злясь на себя, на свои смелые фантазии. Может, он вообще ошибался в ней и она совсем не такая, как о ней говорят? А говорят, причем все мужики без исключения, что недоступная она, что к ней ни на какой козе не подъедешь.

– Сам дурак, – сказала она, выходя на берег, отжимая мокрые волосы и вытирая голые мокрые пятки о мягкую, успевшую прогреться на солнце траву. – Что это ты обзываешься? Вовсе я не дура. Ну да, водичка прохладная, но ничего, зато взбодрилась. Я всегда, когда вижу воду, стараюсь немного поплавать. И что это вы, майор Родионов, так странно смотрите на меня? Щуритесь... Вы что, ослепли?

Он отвернулся. Ослепнешь тут, пожалуй.

Он слышал, как она одевается, как шуршит одеждой.

– Только не вздумай поворачиваться, мне же надо избавиться от всего мокрого! – расхоталась она.

Судя по звукам, она стягивала с себя белье, тихонько и мило так кряхтела, прыгая на одной ноге, потом отжимала что-то, шуршала пакетом, в который, судя по всему, сложила мокрые комочки белья, и наконец оделась.

– Все, – сказала она, смущаясь. Вернее, смущая Сергея, потому что он-то теперь знал, что под белой блузкой у нее ничего нет, и, если бы не жакет, он смог бы увидеть сквозь тонкую ткань много интересного. И под шерстяной юбкой, получается, тоже. От представленного ему стало жарко.

Однако, вспомнив, что они приехали сюда как бы по делу, он снова принялся шарить вокруг кострища, палкой прошелся по траве, подцепил несколько размокших и очень старых окурков.

– Эх, жаль, что многие цветы уже отцвели... Но ничего, соберу букет из того, что есть... Алтей, дикая гвоздика... Смотри, какая красота!

Он повернулся. Рожкова, уже в форме, разве что без жакета, с распущенными мокрыми волосами ходила по месту преступления и собирала букет! В какой-то момент она так низко наклонилась, выставив округлый задок, что Сергей едва удержался, чтобы не подойти и не обнять ее сзади, вот прямо схватить, прижать к себе, развернуть ее, кажущуюся сейчас такой доступной, запрокинуть голову и поцеловать...

– Смотри, кто-то здесь уже собирал букет, недавно!

С этими словами Люся взяла с травы большой растрепанный букет полевых цветов и подняла высоко над головой.

– Родионов, пляши! Вот уверена, что это наша жертва собирала цветы! Ох, да здесь и носовой платок, смотри, она перевязала им букет. Сережа!

– Рожкова!!! Замри! Ну ты даешь!

– Ой, прости! Сейчас и я возьму перчатки...

Надев резиновую перчатку, Сергей, бросив на Люсю укоризненный взгляд, осторожно взял букет и принялся развязывать влажный белый платок.

Платок был небольшим, женским, на нем был вышит сиреневый цветок, а в углу – инициалы!

– Так не бывает, – вырвалось у него.

– Прямо как в детективах Агаты Кристи – вышитый носовой платочек с инициалами хозяйки! Какая прелесть! Это ли не подарок, а, Родионов?

– Да уж... Действительно инициалы: «М.Ф.».

– Вышито вручную, может, и коряво, но с чувством собственного достоинства.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Да то, что женщина, которой принадлежит этот платок, любит во всем порядок и очень ценит свое личное пространство. Может, на ее трусах и нет таких инициалов, но вот на платках – точно есть. Да и платочек не из дешевых, батистовый, с фиалкой... Что ж, Родионов, я тебя поздравляю!

– Да я здесь при чем? Это же ты нашла букет! Конечно, не факт, что этот платок принадлежит нашей жертве, но, судя по состоянию букета, он сравнительно свежий, хотя и помятый.

– Так дождь был!

– Но почему же никто из нас не заметил этого букета?

– Да потому, что он сливался с остальными травами и цветами! Кстати...

И Люся вернулась к тому месту, где нашла букет, пошарила рукой в траве и вдруг вскрикнула, как если бы поранилась. Сергей бросился к ней, но она уже поднялась – в руке ее был телефон.

– Не может быть! Рожкова, ты просто гений!

– Предполагаю, – вдруг совершенно серьезным тоном проговорила она, отдавая телефон Сергею, – что она сидела вот на этом месте, приводя в порядок букет, обвязывая стебли платком, телефон был рядом, на траве, и вот тогда убийца подошел сзади и ударил ее в шею, она упала, и тогда он набросился на нее и уже окончательно убил... Добил. Какой ужас!

– Рожкова, с меня причитается.

Он, обернув руку салфеткой, которую каким-то волшебным образом извлекла из кармана Рожкова, включил телефон, который хоть и был выключен, однако не успел разрядиться (просто удача за удачей!). Но большой сюрприз поджидал его в следующую минуту, когда он не увидел на экране блокировку.

– Ты видела? Нет, ты это видела? Читай, проникай – не хочу!

– Телефон разблокирован, – закивала в полном недоумении Рожкова. – Кто-то снял блокировку. Либо владелец телефона, либо убийца. Вот только как это узнать.

– Потом. Все потом, а сейчас... Ну надо же, какая везуха! Рожкова, ты просто гений!

Хорошо осознавая, какая богатая информация в нем хранится, первое, что он сделал, это посмотрел список последних звонков. Больше всего жертва (а он уже был уверен, что этот телефон принадлежит именно убитой) общалась с абонентом по имени «Катюша». Он позвонил по этому номеру.

– Ну наконец-то! – услышал он женский голос, едва его соединили с абонентом. – Блин, Марина, куда ты пропала?!

6

– Да, поняла... Вернее, ничего не поняла. Какой еще следователь? Где Марина?

Я почувствовала, как сначала задрожала моя рука, держащая телефон, потом затряслось все тело. Мы с Зоей как раз стояли в отделении полиции возле окошка с дежурным, когда раздался этот звонок.

– Это Марина! – воскликнула я, увидев на дисплее «Сестра». Зоя вытаращилась на меня, словно тоже не веря в услышанное.

– Слава богу! – выдохнула она, наконец осознав, кто звонит. – Нашлась пропажа!

Однако вместо того, чтобы услышать сестру, я услышала мужской голос. Человек представился следователем. Фамилию я не уловила, растерялась.

Он спросил, кто такая Марина, я ответила.

– Когда вы последний раз видели свою сестру?

Я объяснила ему, что видела ее вчера, и что вообще подумала, что она потерялась (да, я так и сказала, не «пропала», а «потерялась»!), и что мы с подружкой как раз сейчас пришли в полицию, чтобы заявить об этом.

Он уточнил, в каком именно отделении мы находимся, потом, подумав немного, попросил меня прислать, если возможно, фотографию сестры.

Я напряглась.

– С ней что-то случилось?

Почему-то эта мысль, и это при том, что телефон Марины находился в руках следователя, посетила меня в последнюю очередь. Я пообещала ему прямо сейчас поискать в своем телефоне фото сестры и прислать.

– Зоя... – Я почувствовала, как глаза мои наполняются слезами. Словно они первыми правильно отреагировали на случившееся. – Ее телефон сейчас у следователя. Он попросил прислать ее фото... Как ты думаешь, что бы это значило?

– Господи, спаси ее и сохрани, – перекрестилась Зоя, бледнея. Мы отошли от окошка дежурного, встали в сторонку, я принялась листать в телефоне папку с фотографиями. Довольно быстро нашла фото Марины, где она в домашнем халате сидит дома в гостиной с чашкой чая в руках. В чашке был какой-то лечебный чай. «Запомни этот момент, моя дорогая, – сказала она в тот вечер, когда купила и принесла домой какую-то пряную травяную смесь, которую назвала чаем, – мы – это то, что мы едим и пьем. Будешь правильно питаться – дольше проживешь!» Не знаю, зачем я ее тогда щелкнула. Быть может, чтобы подразнить ее, мол, все запомню, моя дорогая, или (и от этой мысли мне стало нехорошо) чтобы прислать это фото следователю? Со странным чувством наползающего на меня какого-то ледяного страха я отправила фото.

Родионов (на этот раз я запомнила его фамилию, потому что попросила его повторно представиться) сказал, чтобы я оставалась в отделении, что он приедет примерно через час-полтора, к сожалению, не раньше, потому что находится за городом. Попросил меня обязательно его дожидаться, сказав, что это очень важно. И, возможно, для того, чтобы мы не потерялись, спросил мою фамилию.

– Фионова Екатерина Дмитриевна, – представилась я сиплым от волнения голосом. – Мою сестру зовут Марина Дмитриевна Фионова. Что с ней?

– Дождитесь меня, – сухо сказал он.

Зоя, услышав разговор (а наши современные телефоны тем хороши и одновременно опасны, что каждый находящийся поблизости человек, даже при условии, что ты не включаешь громкую связь, прекрасно слышит весь разговор без каких-либо усилий), посмотрела на меня так, что у меня мороз по коже пошел.

– Зоя, пожалуйста, не смотри на меня так. Еще же ничего не известно. Наверное, нашли телефон Марины. Если бы нашли саму Марину, то этот Родионов так и сказал бы сразу... Не пугай меня раньше времени. И вообще, пошли уже отсюда, здесь от стен веет человеческими несчастьями.

– Да как же мы пойдем, если он попросил тебя оставаться на месте?

– Так он же придет через полтора часа! Зоя, я не могу здесь оставаться!

И я, отмахнувшись, быстрым шагом направилась к выходу. Вот здесь, на улице, на пока еще теплом августовском солнышке, мне стало заметно лучше. Глупости все это! Ну, потерял человек телефон. С кем не бывает? Поэтому я и не могла до нее дозвониться. Но долгое время телефон казался мне мертвым, то есть был отключен. Кто-то его нашел, включил... И тут я от досады сжала кулаки. Все-таки моя сестра – странная особа. Вот зачем ей понадобилось снимать блокировку с телефона? Видите ли, ей было страшно, что когда-нибудь ей не удастся самой включить телефон по отпечатку пальца или по паролю, и тогда она не сможет воспользоваться платежной системой «google pay», куда вбиты все ее банковские карты. И вот этот страх, что, подойдя к кассе в супермаркете, она не сможет расплатиться, и заставил ее снять блокировку с телефона. Если бы не это обстоятельство, тот, кто нашел телефон, не смог бы его открыть и дозвониться до меня. Получается, что в жизни нет ничего случайного. Теперь даже солнце уже не пригревало, а казалось холодным.

Я осмотрелась и увидела расположенное буквально в нескольких метрах от себя, на другой стороне дороги, кафе «Ветерок». Быстро перебежав по пешеходной зебре дороги, я зашла в кафе. Пустые столики.

– У нас кофе и еда только навынос, – предупредила меня девушка за стеклянной стойкой. – Сами понимаете...

Ах да. Ковид, пандемия. От всего этого сумасшествия многие мои друзья провалились с головой в панические атаки. Вроде бы уже все разрешили, и начали открываться кафе и рестораны, но вот здесь почему-то засада.

– Тогда мне кофе. Навынос.

Я вышла с большим пластиковым стаканом с кофе, присела на скамейку под высоким, крепко пахнущим после дождя тополем и сделала несколько глотков. И тут мне позвонила Кристина.

– Как дела? Нашлась твоя сестра?

– Пока нет... Ты извини, что я не пришла. Подруга запаниковала, мы пришли в полицию...

– Да ладно, я же все понимаю. Но все будет хорошо, вот увидишь. Просто твоей сестре так же, как и тебе, захотелось немного свободы!

Я вот прямо увидела улыбку Кристины, где-то в моей голове возникла эта картинка: Кристина с телефоном в руке стоит возле своего огромного, в пол, окна мастерской в длинном светлом балахоне, подпоясанная грязноватым, в разноцветных пятнах масляной краски, фартуком. Солнце заливает и Кристину, и мастерскую, развешанные по стенам и разложенные повсюду картины, играет веселыми бликами в букетах цветов, словом, живет там. Да уж, лучше бы я пила кофе в мастерской, где мне всегда так хорошо и спокойно, чем сидеть здесь, напротив полицейского отделения, и дожидаться приезда следователя.

– Ты уверена, что твоя сестра так поступает с тобой исключительно из-за любви?

Этот вопрос задала мне Кристина в мой первый визит к ней, сразу после того, как мы с ней познакомились и она попросила меня позировать ей. Понятное дело, что перед этим меня словно прорвало и я рассказала ей о нашем скандале, о том, как сестра дала мне пощечину.

– Да, она действительно любит меня. И эта любовь отравляет меня. Уж лучше бы она меня ненавидела или хотя бы просто ей было наплевать на меня. Так было бы легче.

– Ну, если любит, то придется тебе постоянно прощать все ее закидоны.

Да, она так и сказала – закидоны. То есть она как-то сразу определила, что это не совсем нормальная любовь. Что она какая-то патологическая, что ли, бешеная. Что это все равно как связать меня по рукам и ногам и осыпать сестринскими поцелуями и клясться в любви. Да и что такое эта самая любовь? Разве любовь не подразумевает прежде всего желания осчастливить человека, которого любишь?

– Да я и прощаю, – ответила я слабым голосом, как если бы не была в этом уверена. – Понимаете, ей кажется, что жизнь – это война, что повсюду стреляют, и она старается защитить меня от пуль и взрывов. Она какая-то напуганная этой жизнью. И она только тогда спокойна, когда я дома и, грубо говоря, пью молоко. То есть я у нее на виду.

Часть нашего разговора, который происходил во время сеанса, случайно услышала незаметно появившаяся в мастерской девушка. Она была точной копией Кристины, только совсем юной. Подумалось, что они сестры. Мое удивление походило скорее на шок, когда я узнала, что они мать и дочь, настолько обе выглядели молодо. Это позже я узнаю, что Кристине на тот момент было тридцать два года, а ее дочери Валентине – шестнадцать. Как-то сразу подсчиталось, что Кристина родила, будучи ее ровесницей, тоже в шестнадцать. И я, еще только познакомившись с ней, уже готова была сразу же и оправдать ее раннее материнство – если она была так же красива, как сейчас Валентина, то неудивительно, что мужчины не давали ей прохода и кто-то очень настойчивый добился-таки своего, и бедная девочка «залетела».

– Вот-вот, – засмеялась Валентина, подходя к матери и целуя ее в щеку. – Моя мама точно такого же мнения. Всю жизнь пытается защитить меня от пуль. Да только я-то знаю, что никакой войны на улице нет, что все, кто окружают нас, такие же люди, как и мы. Из плоти и крови. И что не нужно их бояться. Ну да, есть опасные элементы, но где их нет? И если всю жизнь просидеть дома, то, когда очнешься уже старухой, поймешь, что она, эта самая жизнь, прошла мимо тебя. Вот так.

– Там гречка и котлеты, – бросив на дочку мимолетный, но полный любви взгляд и тем не менее отмахнувшись от нее, мол, не мешай работать, – сказала Кристина. – Знакомьтесь, моя дочь Валентина.

Так я узнала и о дочери, и о том, что та крутая металлическая лестница в углу мастерской, которую я разглядывала, пока позировала, ведет на второй этаж, где и расположены комнаты, в которых и проживает семья Метель. Да, фамилия Кристины была вот такая снежная и красивая – Метель.

Казалось бы, я знала Кристину всего ничего, только пришла к ней, ну, выпила чаю, меня усадили на диванчике и попросили не двигаться. Сперва болтали о том о сем, но как же такое могло случиться, что я открыла ей душу? Рассказала о своей жизни, сестре? Я восприняла ее как попутчицу в поезде, которой можно рассказать все, зная, что все мои тайны так и останутся тайнами, – какое дело постороннему человеку до меня, до моей жизни? Вышли из поезда и разбежались в разные стороны.

И ведь поначалу и мне показалось, что после этого сеанса мы, что называется, разбежимся и, возможно, никогда больше и не встретимся. У нас не было общих знакомых, да и интересов. Кристина принадлежала к местной богеме, так я, во всяком случае, тогда подумала. Это потом я узнаю, что она не очень-то жалуется местную тусовку, хотя дружит с некоторыми художниками и театрами. Что Кристина – это как княжество Лихтенштейн, может и карликовое, но вполне себе независимое государство. Что она самодостаточна, свободна и этим счастлива. И что для нее, по сути, не существует правил. Разве что те, которые она сама для себя и придумала.

Так вот, я в первый же сеанс рассказала ей о своих отношениях с моей сестрой, да что там, пожаловалась ей на нее. И так уж получилось, что, озвучивая все свои упреки в адрес

сестры, я, к своему же большому удивлению, понимала (хотя и не могла уже остановиться!), что превращаюсь в настоящего монстра-предателя своей семьи. Ведь сестра – она и есть моя семья. И что я, не в силах оценить ее заботу и любовь, первому встречному вылила на голову ушат претензий и обид на нее.

– Это ты сейчас злишься на нее, потому что еще не остыла от ссоры, но завтра, вот увидишь, ты успокоишься, хорошенько поразмыслишь и поймешь, что твоя сестра в чем-то была права.

– Ну вот, и вы туда же, – разочарованно протянула я, вздыхая.

– Понимаешь, не все люди способны водить. Вот я, к примеру, прирожденный водитель, Валя моя – тоже, нам это далось легко. Но многие мои знакомые не в состоянии водить машину по каким-то своим причинам, но чаще всего это связано со страхом. А некоторым не удается приноровиться к габаритам машины, ну, не чувствуют они ее, понимаешь?

Я и не заметила, как Кристина перешла на «ты». И я, слушая ее, никак не могла определить, как же мне к ней относиться: как к взрослой тете или, что еще хуже, как к еще одной старшей сестре? Или же – как к новой подруге, не замечая ее возраста?

– Но откуда моей сестре знать, испытываю ли я страх перед машиной или чувствую ли я ее? Она тупо не хочет, чтобы я покупала машину.

Здесь я собралась уже поговорить об отношении моей сестры к деньгам в принципе, но вовремя остановилась, решив, что и без того слишком многим поделилась.

Мы поговорили еще немного о машинах, о том, как мне поступать, послушаться ли сестру и не покупать машину или же сделать так, как хочу я сама, но в голове моей мало что прояснилось. Я так и не знала, как поступить. Высказать Кристине предположение о том, что моя сестра видит в машине источник моей личной свободы, я не решилась – за этим последовал бы еще более глубокий и подробный разговор.

Потом, когда мы подружимся и наши беседы достигнут такой степени откровенности, что у меня перед Кристиной не останется почти никаких тайн, она признается мне, что в тот первый день, когда я пришла к ней на сеанс, она готова была просто взорваться, слушая про мою сестру.

– Я хотела тебе тогда крикнуть, что да, покупай, конечно, машину! Трать спокойно свои деньги, ведь ты их заработала. И иметь машину в наше время – это уже не роскошь, это обычное дело. Машина позволит тебе свободно перемещаться в пространстве и хотя бы на время выпасть из поля зрения твоей сестрицы. Но просто в тот момент я не имела права на такие резкие высказывания и призыв к свободе, боюсь, что я спугнула бы тебя.

После того сеанса я хотела посмотреть, что же такого успела нарисовать Кристина на своем холсте, и она, смеясь, позвала меня к мольберту, мол, смотри. Я увидела какое-то странное существо с затравленным взглядом, растрепанное и жалкое.

«Это я?» – хотелось мне крикнуть, потому что стыд накрыл меня с головой. Так вот какой меня видят посторонние!

– Это еще только набросок, – улыбнулась Кристина.

– Меня здесь словно огрели пыльным мешком по голове.

Она ничего не ответила. Поблагодарила меня за то, что я уделила ей время, спросила, может ли она надеяться на продолжение работы, на что я ответила ей слишком поспешно: да, да, конечно же, да! Мне было хорошо в ее мастерской. Мне нравилось там все. Много воздуха, света, картин, но, главное, я чувствовала себя там рядом с ней так, как если бы знала ее сто лет и она была близким мне человеком (хотя эту формулу никак нельзя было применить к моим отношениям с сестрой, с которой мы тоже знали друг друга целую вечность, и в наших

жилах текла одна и та же кровь). Даже присутствие ее дочери меня не напрягало, хотя после ужина Валентина несколько раз спускалась к нам, сидела в глубоком кресле, уткнувшись в свой планшет, что-то там смотрела, строчила кому-то сообщения. Изредка посматривала на меня, и ее ободряющая улыбка помогала мне почувствовать себя в чужом доме комфортно и спокойно.

...Рядом со мной на соседнюю скамейку опустилась стайка маленьких детей, они весело щебетали, как птички, их счастливые лица были вымазаны шоколадом, маленькими пальчиками они едва удерживали мороженое на палочках – по две-три в одну руку. Две девочки и один мальчишка, шести-семи лет. Где-то взяли денег и закупили мороженого. Ангина им точно обеспечена. И куда только смотрят взрослые?

Я хотела было уже вмешаться в ситуацию, остановить их, чтобы они не принялись за все это мороженое, как вдруг услышала заговорщицкое:

– Я же говорил, что никого дома нет... – произнес мальчик, укладывая красивые, в серебряной фольге, цилиндрики мороженого на скамейку и принимаясь разворачивать один из них. – Так что нам ничего не будет. Никто не узнает.

Девочки последовали его примеру и тоже положили свое мороженое рядом.

– Она в больнице? – спросила одна девочка.

– Тетя Галя умерла. В больнице ее разрезали и положили в коробку, – тихо ответила ей вторая девочка, косясь на мальчишку. Тот подтвердил кивком. Шоколад таял на его теплых губах...

Пожалуй, я и вмешалась бы, причем довольно активно, поскольку поняла уже, что дети пробрались в открытую по трагической случайности квартиру тети Гали, взяли денег и закупили мороженого. Но это для меня трагичность ситуации была очевидной, поскольку прозвучали соответствующие теме слова, дети же, к счастью, пока еще ничего не знали про смерть. Так вот, я бы вмешалась, если бы не позвонила Зоя. Она взволнованно кричала в трубку, что кто-то там пришел, что я должна непременно вернуться в отделение полиции. Судя по времени, майор еще должен был быть в пути.

– Не ешьте так много мороженого, – бросила я им перед тем, как уйти, – горло заболит, вас положат в больницу, а там... сами знаете, что с вами сделают...

И быстро зашагала прочь.

7

Девушка, представившаяся Екатериной Фионовой, внешне совершенно не походила на свою сестру – жертву. Невысокого роста, с пышной грудью, она разве что некоторыми чертами лица и светлыми волосами смахивала на нее.

Поговорив с Екатериной и практически поняв, что личность убитой установлена, Сергей сообщил ей об обнаруженном трупе и, осознавая, что девушка и без того взволнована, предложил ей поехать на опознание. Сопровождающая ее молодая женщина, Зоя Михайловна Филиппова, коллега по работе исчезнувшей Марины Фионовой, согласилась проехать вместе с ними в морг. Поехала и Люся Рожкова. Вот только сейчас ее назойливость была воспринята Сергеем совершенно иначе – он сам хотел, чтобы она была рядом. И это ее откровенное желание быть с ним воспринималось им уже почему-то по-другому, словно их поездка к «Трем дубам» изменила его принципы, и теперь ему уже было все равно, есть ли у него условия для создания семьи или нет. Они оба могли бы начать с нуля, с Люсей ничего не страшно. Наоборот, если она будет рядом, он горы свернет!

– Катя, я с тобой, – Зоя Филиппова подхватила девушку под локоть, и они вместе вошли в секционную. Саша Суровцев, судмедэксперт, еще не закончил свою работу над трупом, но поскольку опознание было в данной ситуации просто необходимо для установления личности погибшей, он, чтобы не пугать предполагаемую сестру покойной жуткой картиной вскрытия, тщательно прикрыл тело, оставив для опознания лишь голову.

– Да, это она, – почти одновременно произнесли Катя с Зоей. Они стояли возле стола с покойницей, взявшись за руки. Никто не упал в обморок и не заплакал.

– Пойдемте, – сообразила Рожкова поскорее вывести девушек из помещения. – Пойдемте!

В коридоре обеим стало плохо, их вывели под руки на свежий воздух, усадили на скамейку. Саша приводил их в чувство ваткой, смоченной в нашатырном спирте.

– Я должен вас допросить, – сказал Сергей, обращаясь к Кате. – Понимаю, что вам тяжело, но вашу сестру убили.

– Да, конечно, – вяло произнесла девушка. – А почему в морге пахнет кофе?

Вопрос был странным. Неожиданным.

– Да потому, – отозвалась Рожкова, – что наш судмедэксперт, которого вы только что видели, Александр, глушит кофе ведрами.

Рассказ Кати показался Сергею каким-то невнятным.

– Так сестра вам рассказала, куда и с кем едет, или нет?

– Нет. Мы накануне поссорились. Я сказала, что хочу купить машину, а сестра была категорически против. Она сказала, что я на ней разобьюсь. Мне было так обидно, я же накопила денег, я мечтала... А она была так категорична настроена... Короче, я сказала, что все равно куплю машину, что это моя жизнь и все такое, и тогда она вlepила мне пощечину... Нет, постойте. Это было в другой раз, раньше, когда я познакомилась с Кристиной. А вчера я купила конфеты. Очень дорогие. Хотела порадовать сестру. Знаю, что она любит шоколад, хотя старается ограничить себя, вернее меня, словом, нас обеих... Но шоколад действительно был дорогой, она сказала, что лучше бы я на эти деньги купила гель для стирки белья и туалетную бумагу, кажется, так... Вот после этого мы и не разговаривали. Я слышала, как она собирается, открывает шкафы, что-то двигает, а потом она ушла. Судя по тому, как она была одета...

– А как она была одета? – спросил Сергей, потому что на поляне нашли спортивный костюм и кроссовки.

– На ней был очень красивый красный с синим спортивный костюм и белые кроссовки. Сергей показал ей снимок, сделанный на месте преступления.

– Да, это он, это ее костюм. И кроссовки тоже ее.

И вот тут ее прорвало. Катя заплакала, закрыв лицо ладонями. Сергей дал ей бумажную салфетку.

– Да кто же мог ее убить-то? И как? Я не поняла... Застрелили, что ли?

– Ее зарезали ножом. А тело бросили в реку, в камыши. Ее нашли на берегу. Люди приехали отдыхать, женщина подошла к камышам, а там... Вот так. Скажите, Катя, вы проживаете вместе с сестрой?

– Да. Только мы вдвоем и живем. Мы обе не замужем. Личной жизни, как я знала, у моей сестры не было. Она ни с кем не встречалась. Но вот вчера, вполне возможно, она отправилась на свидание. Она дружит с Зоей, и если бы она собралась за город, а она точно, по всем признакам, отправлялась за город, потому что взяла с собой термос, да и одета была соответственно, то взяла бы с собой Зою. Но раз и Зоя ничего не знает, значит, она поехала с мужчиной.

– И нет никаких предположений, кто бы это мог быть? Может, коллега? Где, говорите, она работала? В школе?

– Ну да. В двадцать четвертой школе. Там же, где и Зоя. Что касается коллеги-мужчины, это вам лучше спросить у нее. А мне Марина никогда ничего такого не рассказывала.

– Но мужчины-то у нее были?

– Думаю, что да. Но, видимо, такие мужчины, о которых ей не хотелось говорить.

– В смысле?

– Может, женатые. То есть любовники, все это было несерьезно, и, возможно, они были женатые.

– А как вы вообще поняли, что у нее были любовники?

– Так у нее же были презервативы. Правда, она прятала их, но однажды ее сумка свалилась с полки в прихожей и оттуда высыпались сразу три коробочки с нарисованными на них фруктами. Вернее, только с клубникой на упаковке. И тогда я лишний раз убедилась в том, что моя сестра – темная лошадка. Я имею в виду, что она во многих вопросах была закрыта для меня. Думаю, она стыдилась своих связей.

– Какого года рождения ваша сестра?

– 1989-го. Ей сейчас тридцать два.

– Каким человеком она была? У нее могли быть враги?

– Я не знаю ни о каких врагах. Но характер у нее был сложный. Конфликтный. Она и ладила только с Зоей. С остальными в школе, предполагаю, были непростые отношения. Она комментировала многое из того, что происходило в их коллективе. Получалось, – Катя потеряла лоб и поджала губы, как если бы стыдилась своей сестры, – что все вокруг дураки, а она одна умная. Хотя моя сестра на самом деле была умная. Категоричная в суждениях и высоко ценящая свое мнение. Она странным образом умудрялась составить исключительно верное мнение по самым разным вопросам и почти никогда не ошибалась.

– А где вы были вчера вечером?

– У своих друзей.

– Можете назвать фамилию и адрес?

– Конечно. Записывайте, Кристина и Валентина Метель.

– Метель? Это фамилия такая?

– Ну да. Сначала я тоже подумала, что это псевдоним, потому что Кристина – известная в городе художница, но потом случайно увидела у нее в мастерской платежки за коммуналку, и там тоже стояла фамилия «Метель». Адрес – улица Соляная, дом шестнадцать, квартира... Можете поговорить с ними, вернее с Кристиной, она подтвердит, что я была у нее.

– И как долго вы у нее были?

– Я ночевала у нее. Вскоре после того, как Марина ушла, мне стало не по себе... Эта история с конфетами, точнее, скандал... Вот я и решила угостить этими конфетами своих друзей. Я позвонила Кристине, спросила ее, не занята ли она, я так всегда делаю, потому что у нее много работы, и она сказала, что будет рада мне. Я собралась и поехала к ней. Вы никогда не видели ее работы? Сказочные...

И она снова заплакала. А потом стала тихонько подвывать.

– Я бы хотел осмотреть ее комнату.

Она закивала.

– Не представляю, за что ее могли убить. А вообще... На ней были дорогие серьги с изумрудами...

– И серьги, и цепочка, все на месте. Мы вам потом отдадим. Может, были кольца?

– Нет-нет, если она отправлялась на природу, то кольца точно не надевала, у нее один раз случилось такое, что она чуть без пальца не осталась, зацепилась за что-то, кожу содрала... Нет, вы же сами понимаете, что ее не ограбили, раз серьги не украли. А там приличные изумруды. Это я подарила их ей на тридцатилетие. Сама она бы себе никогда их не купила, хотя изумруды любила, мечтала о них...

Она посмотрела на Сергея, задумалась.

– Вот и получается, что ее убили не из-за драгоценностей или денег, потому что на природу она и деньги-то большие не взяла. Первое – денег у нее и без того нет, она мало зарабатывает, второе – повторю, за город она взяла бы от силы тысячу рублей. Вы нашли ее кошелек?

– Нет. Ни кошелька, ни ножа.

– Постойте... Но телефон-то вы ее нашли!

– Да, нашли. Он был под букетом, который она собирала.

– Букет... Да... – Катя снова залилась слезами. – Она так любила цветы. Если бы ее не убили, она вернулась бы домой с букетом полевых цветов. Поставила бы в свою любимую керамическую вазу. Вот никогда, никогда не позволяла себе купить дорогие цветы, считала это пустой тратой денег. И ругала меня, когда я зимой приносила букет роз, просто бесилась, обзывала меня последними словами. Она всегда считала меня мотовкой... Хотя так оно, наверное, и есть. Ей виднее.

Катя высморкалась, Сергей протянул ей пачку салфеток.

– Ой, у меня же тоже есть салфетки, – она начала приходить в себя, вспомнила, что у нее есть сумка. А в ней не только бумажные носовые платки, но и большой мужской клетчатый платок, с помощью которого она привела себя в порядок.

– А вы чем занимаетесь?

– Я преподаю в лицее русский и литературу. Как и моя сестра. Только она в обычной школе, а я, повторю, в лицее. Вот это обстоятельство тоже бесило мою сестру. Она, вероятно, считала, что я выбила себе это место каким-то не очень чистоплотным способом.

– А на самом деле? – неожиданно для себя, нарушая все законы этики, спросил Сергей.

Лицо Кати вспыхнуло.

– Мне один знакомый помог, у него связи, – коротко ответила она.

Беседа со свидетельницей Филипповой была более информативна. Зоя во всех подробностях рассказывала о школьной жизни Марины Фионовой, рассказ ее был полон любви к погибшей, она восхищалась ее феноменальной памятью, принципиальностью, искренностью, неподкупностью... Получалось, что Марину в школе очень любили и ценили, что она была первоклассным преподавателем, хотя дети недолюбливали ее из-за излишней строгости, но уважали. Нет, врагов у нее просто не могло быть! У таких кристально чистых душой людей, как Марина, врагов не бывает. Она ценный работник, талантливый преподаватель, хороший организатор...

– Но ее убили. Зарезали, – напомнил ей Сергей. – И не ограбили. Должен же быть какой-то весомый мотив. Быть может, у нее была связь с женатым мужчиной?

– Вот здесь ничем вам помочь не могу, – прикусила губу Зоя. – О своей личной жизни она не распространялась. Она была привлекательной женщиной, вы сами видели. Стройная, высокая, правда, с верхней челюстью ей не повезло, она сильно портила ее... эти зубы выпирающие... А так – симпатичная молодая женщина. Ей бы носить одежду повеселее, не такую строгую и темную... Я хочу сказать, что вполне допускаю, что у нее кто-то был.

– Она никогда не рассказывала про это место «У трех дубов»?

– Не помню... Нет, кажется.

– С кем дружила Марина в школе кроме вас?

– Да ни с кем...

– Может, она рассказывала вам о том, что ей кто-то угрожает... Может, у нее были конфликты с родителями или детьми? Я имею в виду подростков... Знаете, как иногда бывает, поставит преподаватель двойку или нажалуется родителям на ученика, и тот...

– Нет-нет, она никогда не конфликтовала с детьми. Они боялись ее... Вернее, она была строгая, ее слушались. Вот так будет правильно сказать.

– Спасибо вам, Зоя Михайловна, вы нам очень помогли.

Он отпустил ее, потом снова вызвал к себе Катю, которая во время беседы с Филипповой сидела в соседнем кабинете, где Люся Рожкова отпаивала ее чаем и успокаивала.

– Ну что, теперь поедem к вам.

– Хотите осмотреть комнату моей сестры? – Слезы уже высохли. Катя, по всей видимости, уже немного успокоилась и собралась. – Поедемте. Я бы и сама хотела заглянуть в ее королевство.

Ему показалось или она слегка усмехнулась?

8

Больше всего я боялась, что вот сейчас дверь ее комнаты распахнется и она, увидев нас в своей комнате, воскликнет:

– Так! И что это вы здесь у меня делаете?

Я никак не могла свыкнуться с мыслью, что моя сестра лежит там, в той большой комнате под грязной простыней. Что она навсегда замолчала. Слово «умерла» к ней никак не подходило. Она, казалось мне тогда, стала еще живее, потому что присутствовала повсюду, где бы я ни находилась. Она следила за нами, ворвавшимися в ее личное пространство, которое она так тщательно скрывала от меня и ото всех на свете. Никто не имел права войти туда без ее ведома. Даже Зоя, которой она безгранично доверяла, которая иногда, бывая у нее в гостях и только по приглашению, подолгу засиживалась в этой комнате. Они разговаривали, смеялись, и я понятия не имела, о чем там шла речь. Может, они сплетничали об общих знакомых, может, рассказывали друг другу истории или пересказывали фильмы. Зоя, дама замужняя, могла поделиться с ней какими-то семейными тайнами или проблемами. Но я в ее комнате не бывала. Мне не разрешалось там даже прибираться. И это было более чем странно, потому что я знала, как моя сестра не любит пылесосить и особенно мыть полы. Страх быть застигнутой там не позволял мне пройти туда в то время, когда моей сестры не было дома. В любой момент она могла вернуться, открыв квартиру своими ключами, и тогда я даже представить себе не могла, что меня бы ожидало. Наверное, казнила бы меня прямо там на месте, свернув шею.

Не думаю, что она скрывала от меня какие-то свои тайны. Ну что такого особенного и секретного там могло быть? Письма или записки от любовников? Это сейчас, в наше-то интернетное время, когда все люди переписываются по телефону или электронными письмами? Тогда что? Всю ее одежду я и без того знаю, я же вижу ее каждый день, вижу и ее белье, которое мы с ней стираем в стиральной машинке и развешиваем сушиться на лоджии. Деньги она тоже не могла там прятать, потому что их у нее просто не было. Я одалживала ей, конечно, деньги, когда она меня об этом просила, когда ей нужно было купить что-то дорогое и непременно необходимое, теплый плед, к примеру, который ей был необходим, как она говорила, для чтения, для уюта. Или альбом Босха, которым она загорелась, увидев рекламу в интернете, и который стоит немало. Или зимний берет из норки. Она вроде бы даже порывалась вернуть мне деньги, но я никогда не брала. Говорила, что подарок. Когда я дарила ей набор хорошего итальянского мыла, она смотрела на меня так, что мне хотелось поскорее ретироваться, вот разве что не крутила пальцем у виска, мол, ты что, куда столько денег пустила на ветер. Она принципиально мылась детским или земляничным мылом, упаковки которого хранила в ванной комнате на полке. В нашем доме часто пахло хлором, потому что моя сестра не позволяла мне покупать дорогостоящие биопрепараты для уборки, и я пользовалась дешевой «Белизной».

И вот теперь мы вместе с майором Родионовым входили в эту святая святых, в комнату моей сестры (которая, кстати, была вдвое больше площадью, чем моя), и я едва сдерживалась, чтобы в очередной раз не оглянуться, чтобы проверить, нет ли Марины за моей спиной.

Комната была захламлена, под ногами хрустели пыль или песок, словом, пол был грязный. Сквозь тусклые, сто лет не мытые окна, наполовину зашторенные старыми вылинявшими шторами зеленого цвета, едва пробивалось полуденное солнце, делая все вокруг зеленоватым. Я увидела постель своей сестры и обомлела. Зеленый, в райских птицах и тропических фруктах, комплект стоит пятнадцать тысяч рублей! Я знала это точно, потому что сама его ей показывала в одном из интернет-магазинов, чтобы разделить с ней свое восхищение. Она сказала, что мы не можем себе позволить такое дорогое постельное белье. И вот оно здесь, в ее комнате! И если сопоставить сроки, когда мы обсуждали эту тему, то, получается, она купила его

примерно три месяца тому назад, и все это время она спала на нем, не стирая! А как бы она могла его постирать – тогда я увидела бы его! Она пихала в стиральную машинку какие-то, возможно, и без того чистые пододеяльники и простыни, зная, что мне и в голову не придет извлечь белье из машинки и рассмотреть. Я же нормальный человек. Но почему, спрашивала я себя, краснея от стыда за свою сестру, которая довела это прекрасное белье до такого грязного состояния, что оно выглядело уже смуглым! Постель была прикрыта старым байковым одеялом с зайками и оленятами – наше детское приданое.

Письменный стол представлял, безусловно, интерес для майора. Что в нем? Записки, квитанции, документы, может, дневник?

– Вы смотрите, я пойду приготовлю чай.

– Да-да, пожалуйста, – отозвался, не поворачиваясь ко мне, Родионов, рассматривая каждую вещь в комнате.

И тут он, выдвинув нижний и самый объемный ящик письменного стола, присвистнул:

– А вот и пирожные к чаю... – Он смотрел куда-то вниз, я не видела то, что видел он. Подошла, заглянула и не поверила своим глазам. Ящик был просто набит пластиковыми контейнерами со знакомой мне уже наклейкой расположенной буквально в двух шагах от нашего дома кондитерской «Крем-брюле». В верхнем прозрачном контейнере лежало ровно шесть эклеров.

Неужели она купила их для меня в знак примирения после ссоры с конфетами? Так хотелось бы думать мне, если бы не ряды пустых контейнеров, перепачканных изнутри мазками старого крема, беже, шоколадной глазури.

– Ваша сестра была сладкоежкой, – эти слова Родионов произнес, когда, открыв отделение большого книжного шкафа, увидел целую стопку коробок с конфетами (или уже без конфет?).

– Да уж, – проблеяла я, чувствуя, как наполняюсь странным чувством не то ледяной злобы, не то острой жалостью к той, которая так и недоест свои конфеты, потому что умерла.

В платяном шкафу, в самом низу, где хранилась обувь, мы откопали целые запасы спиртного и коробку с грязными, в красных и оранжевых потеках, фужерами. Так вот чем занимались здесь подружки-хохотушки, Марина с Зоей.

– Оказывается, я и не знала свою сестру, – сказала я, чувствуя, как перекашивается мой рот, не зная, то ли я сейчас заплачу, то ли расхожусь. – Она читала мне целые лекции о вреде сладкого, отчитывала меня за каждый съеденный эклер. Мне приходилось... – я замолчала, потому что моей сестры уже не было в живых, и не было никакого смысла вспоминать мои тайные походы в кондитерскую. И вряд ли мои правдивые рассказы о том, какой на самом деле была моя сестра, помогут в расследовании ее убийства.

Мне вдруг захотелось поскорее уйти из этой душной и грязной комнаты, заполненной до краев подлым компроматом, мерзкими тайнами. Уж лучше бы она хранила здесь банки с заспиртованными сердцами своих любовников или орудия пыток. Или полный ночной горшок. Но только не эклеры, конфеты и купленное тайно от меня постельное белье с райскими птицами.

Но и это было не все. В комодке нашлось и нижнее белье, новое, с ценниками, при виде которых мне стало и вовсе нехорошо. «*Черный пояс с подвязками «Kitty» от Lascivious. Примерка белья разрешена, только ручная стирка. б 371 р.*».

Зачем моей сестре подвязки? Или бюстгальтер за десять с половиной тысяч? Откуда деньги? Премиальные, которые она так тщательно от меня скрывала? Или просто копила, не тратя на продукты, которые всегда закупала я?

Да, забыла сказать, машину-то я в прошлом году купила. Кристина убедила меня сделать это «легко и весело». Когда моя сестра поняла, как же удобно иметь при себе бесплатного

личного водителя, то оценила это по достоинству: всеми закупками теперь занималась исключительно я!

Неужели она и сумму зарплаты своей занижала? А спросить у Зои о зарплате сестры я просто бы не осмелилась. Да и зачем мне это было нужно? Моего заработка (у меня случались и частные занятия с учениками) вполне хватало на то, чтобы накормить нас обеих.

– У вас был такой вид, будто бы вы впервые увидели комнату вашей сестры, – сказал Сергей Родионов, когда мы с ним на кухне пили чай.

– Так оно и есть, – коротко ответила я.

Но ему нужны были подробности.

– Она воспитывала меня, сил не жалела, а со своей жизнью не церемонилась, видите, сколько сладкого ела, – истерично хихикнула я. – О мужчинах мечтала, но реально никого не встретила – белье-то, сами видели, не распаковано, новое. Постель купила стоимостью как чугунный мост. Получается, что ее мечты расходились с ее же собственными жизненными принципами.

– Катя, и все-таки: кто мог пожелать ей смерти?

– Только я, – грустно улыбнулась я. – Шучу. Я очень любила свою сестру. И теперь просто не представляю, как буду без нее. Она была моей опорой, она была сильной, а я – совсем другая. Думаю, я на самом деле как-то не так жила, хотя и старалась прислушиваться к ее советам. Думаю, она не зря меня так опекала. Чувствовала, что без ее наставлений я просто пропаду. Не зря же она говорила, что...

Но тут я поняла, что этому Родионову, перед которым я так разоткровенничалась, до меня нет ровно никакого дела. Что он просто выполняет свою работу, ему нужно найти убийцу моей сестры. Но я-то чем могла ему помочь? Только что он понял, что я и сестру свою совсем не знала. Что мы с ней жили в разных мирах. Что она была человеком скрытным и по отношению ко мне вела себя неестественно, желая подать мне пример. Но в чем?

Я окончательно запуталась. А еще мне было ужасно стыдно перед чужим человеком за то, что моя сестра держала меня просто за дурочку.

Представляя себе, как она, запершись в своей комнате, поедает, давясь, эклеры, я и вовсе не знала, как это объяснить и как ее оправдать. А оправдать ее мне почему-то захотелось очень скоро. Вот почему, запрещая мне что-то, она делает это сама тайно?!

И тут я вдруг расхохоталась, представив себе, что ночами моя сестра тайно рисует картины – это то, чем она запрещала заниматься мне, считая это глупостью и пустой тратой времени. К тому же ее выбешивало, что я трачу на краски и прочие художественные материалы кучу денег.

Безусловно, она ревновала меня к Кристине, с которой так и не успела познакомиться и которая так сильно влияла на меня, что убедила даже заняться живописью! Наблюдая за тем, как я рисую, Марина называла это мазней, говорила, что фиалки непохожи на фиалки, что это просто пародия на цветы. Что пейзажи, которые я училась писать маслом, и вовсе нагромождение масляных пятен, лишенных гармонии и какой-либо композиции. Что вместо того, чтобы разобрать лоджию или перемыть все банки для маринования огурцов, я изображаю из себя художницу, стараясь походить на какую-то «богемную сучку», действующую на меня как наркотик.

– Она колется, эта твоя Кристина, или нюхает кокаин? Мужиков наверняка водит толпами, и ты туда же!

Какими только эпитетами она не награждала мою прекрасную Кристину, мою свободолюбивую и полную любви к жизни подругу, к которой меня тянуло так, что я готова была мыть полы в ее мастерской, лишь бы только находиться там, видеть ее во время работы. К тому же мы подружились и с Валечкой. Правда, ее и дома-то было трудно застать, она вечно где-то пропадала, будучи студенткой художественного училища, ходила на этюды, ездила по обла-

сти в поисках каких-то старинных домов, создавая коллекцию уникальных фотографий, словом, жила своей жизнью. Она человек увлеченный, творческий, всегда переполнена идеями, новыми проектами и, конечно же, постоянно в кого-то влюблена. Редко случалось, когда Кристина подолгу задерживалась, может, у нее были свидания или встречи с заказчиками или просто встречалась с подругами, и тогда мы с Вале́й болтали в ее маленькой, похожей на мастерскую, комнате на втором этаже. Она рассказывала мне о своих загородных приключениях, показывала фотографии, делилась планами и девичьими секретами. И я, раскрывая ей свою душу, не могла не сравнивать ее с моей сестрой. «Вот бы у меня была такая сестра, как ты, – говорила я Вале́ в порыве самых теплых чувств, и мы обнимались, как если бы в это время передавали друг другу свою энергию и любовь. – Ты так хорошо меня понимаешь!» – «А что тебе мешает быть моей сестрой? Считай, что мы с тобой уже сестры!» Как же с ними обеими мне было легко и хорошо! Только на Соляной, в мастерской Метелей, я и чувствовала себя по-настоящему счастливой.

– Катя, вот вам моя визитка, если вспомните что-то или узнаете, позвоните. Ну и, конечно, никуда не уезжайте из города.

– Да вы что?! Куда же я могу уехать, когда мою сестру убили?!

Он ушел, и в квартире стало так тихо, словно мои уши набили ватой. Я сидела за столом перед пустой чашкой и смотрела на стену, на уродливую розочку на обоях и все прислушивалась, прислушивалась. Я ждала, что вот сейчас за дверью раздадутся шаги, затем звон ключей, звук отпираемого замка, вот сейчас дверь откроется, и я услышу:

– Катя, я пришла!

Но ничего такого не происходило. А если мне все это приснилось? Если моя сестра жива?

Я часто заморгала, затем принялась себя щипать. Было больно, реально больно, но я не просыпалась. А комната с эклерами и постелью в райских птицах?

Я поднялась и медленно двинулась в сторону комнаты моей сестры. Я остановилась перед закрытой дверью и спросила себя, что мешало мне перешагнуть порог этой комнаты раньше, когда моя сестра была жива? Миллион возможностей открыть эту дверь, пока Марина в ванной комнате или вышла из дома в магазин, да мало ли?! Это когда она уходила надолго, дверь запиралась. А если она не запиралась, и моя сестра просто была уверена, что я туда не зайду? Если она проверяла меня, может, не запирала, но закрепляла невидимый волос на двери, чтобы, вернувшись, проверить, открывала я дверь или нет? И если бы волоса не было, значит, я без разрешения проникла в ее мир, в ее тайную, полную лжи и лицемерия жизнь? Но волос был на месте, и моя сестра торжествовала – я не посмела вторгаться в ее личное пространство, я не видела ящика с коробками из-под пирожных, не видела замусоленной постели, подвязок...

И вот сейчас я стояла перед дверью и все никак не могла поверить, что комната моей сестры стала теперь и моей, что я могу спокойно туда войти, избавиться от вещей моей сестры, от хлама, которым была она забита, вынести вообще все, что меня там раздражает, поменять обои или просто побелить стены, заказать белоснежный натяжной потолок, заменив им желтоватые пенопластовые квадраты, засиженные мухами, содрать старый линолеум, поменяв его на красивый ламинат, сорвать старые занавески, поменять окно...

Я распахнула дверь и обомлела: на кровати, ухмыляясь, сидела моя сестра и поедала большой эклер, облитый шоколадной глазурью.

9

– Следователь Родионов, – представился Сергей высокой красивой женщине, похожей на львицу со своей густой волнистой гривой волос. – Я могу поговорить с Кристиной Метель?

– Да легко! – улыбнулась женщина. – Проходите, пожалуйста.

Он вошел и оказался в длинном полутемном коридоре, стены которого были увешаны картинами. В нос крепко ударил запах скипидара.

– Идите за мной, только старайтесь не задеть это... – Она махнула рукой на прислоненные к стенам коридора куски картона, какие-то большие папки, рулоны бумаги, холста.

Сергей шел за ней, и ее длинная стройная фигура в черных узких джинсах и черном свитере в перспективе розовой, залитой закатным солнцем мастерской смотрелась фантастично.

Огромное арочное окно, занимавшее центральную стену мастерской, вызвало восхищение. Вот как, оказывается, должен жить творческий человек, подумал Сергей. Много света, солнца, воздуха, пространства! Он не мог не сравнить квартиру сестер Фионовых с этими роскошными хоромами Метелей. И дело даже не в просторе и роскоши, а в каком-то особенном ощущении живущей здесь свободы. Здесь и дышалось легче. Он заметил и винтовую лестницу, ведущую на второй этаж, подумал, что там наверняка находятся спальни. Это же не просто мастерская, здесь они и живут.

– Я так понимаю, что вас привела сюда не любовь к живописи, да? И вряд ли вы захотите заказать у меня натюрморт. Вы следователь, значит, что-то случилось с моей дочерью. – Только теперь ее тонкие красивые брови сдвинулись, образовав трагическую складочку на переносице. Она вдруг связала визит следователя с дочерью. – Надеюсь, она жива-здорова?

Кажется, она перестала даже дышать.

– Чего молчите-то? – Она даже ткнула его пальцем в плечо. Невиданно! Она бы еще встряхнула его как куклу.

– Я здесь по другому поводу.

– Уф... Извините. Перепугалась. Проходите, пожалуйста. Садитесь вот сюда, здесь удобно.

И она показала ему на глубокое, обитое фиолетовым бархатом кресло. Сергей сел. Кристина расположилась напротив, на высоком белом стуле.

Разглядывая женщину, глядя в ее карие глаза, спрашивал себя, смог бы он полюбить такую, принять ее со всеми ее странностями и особенностями, присущими творческим людям. Смог бы жить с ней под одной крышей? Хотел бы детей от нее? И вдруг понял, стыдясь своих же выводов, что не потянул бы такую. Что захлебнулся бы в этом женском вине ее сексуальности, в этой пьянящей манкости и красоте. Что ему до такой женщины расти и расти. Вспомнив про Рожкову, он успел испытать неприятное саднящее чувство вины перед ней – он же так и не отблагодарил ее за помощь, не пригласил на ужин, не подарил цветов.

– Скажите, вы знакомы с Екатериной Фионовой?

– С Катей? Конечно! Это моя близкая подруга. С ней что-то случилось?

– Нет-нет, с ней все в порядке. Когда вы видели ее в последний раз?

– Вчера. Она почти целый день провела здесь. Знаете, у нее сестра – настоящая гримза. Вы бы видели ее! Так вот, почти год Катя прячется от сестры у нас, а мы с дочкой только рады. Знаете, у нас все как-то совпало, я имею в виду характеры. Катя стала для нас родным человечком. Пойдите. Но что это за вопрос? Может, сестра ее снова ударила? Ну что вы все молчите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.